

**МОТИВ ГОРЯЧНОСТИ
В ВЫСТРАИВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА
(ПО ПОВЕСТИ И.А. БУНИНА «СУХОДОЛ»)¹**

Аннотация: В статье содержится анализ мотива горячности в повести «Суходол». Появление его в сюжете носит феноменологический характер, мотив пронизывает весь представленный Буниным национальный мир, делает ключевым в его выстраивании. Через отношение Бунина к горячности русского народа показано его отношение к России вообще, что позволяет глубже понять его философию.

Ключевые слова: Горячность, феноменология, фатальность, целостность, русский человек, жизнь, смерть, любовь.

В повести «Суходол» мотивы «родного» и «чужого», символика «тишины» и «темного» при взаимодействии позволили Бунину выстроить концептуально цельный и объемный образ национального мира и вывести его в философскую проблематику [Пращерук 2012, с. 55–56]. Нам бы хотелось рассмотреть еще один значимый элемент в структуре этого мира: мотив, оказавшийся напрямую связанным с авторскими размышлениями о национальном характере и национальной жизни – мотив *горячности*. Можно пронаблюдать, как мотив *горячего*, *горячности* развивается, видоизменяется на протяжении повести. Важно также проследить, как в сюжете этот мотив обозначается, в каких эпизодах. При таком наблюдении целесообразным показалось связать мотив горячности с символами *огня*, *пожара*, *тепла*, *пороха* как качественно схожими по значению понятиями, а также схожими по значению символами. Следовательно, мы говорим уже о мотивном комплексе и не разводим при анализе понятия *горячность* и *горячий*.

---

1 Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

В словаре В. И. Даля «горячесть», «горячеватость» – «свойство или состояние горячего, горячеватого», а понятие «горячность» – «то же в значении переносном, пылкость, запальчивость, особ. любовь, привязанность» [Даль, с. 395].

В «Словаре символов» Х. Э. Керлот пишет о том, что огонь «охватывает как хорошее (жизненное тепло), так и плохое (разрушение и сожжение)» [Керлот, с. 608]. Так и горячность как черта характера не может нести однозначную оценку. С самого начала повести дается двоякая характеристика обитателей родовой усадьбы: «потом узнали мы о Суходоле нечто еще более странное: узнали, что проще, добрей суходольских господ “во всей вселенной не было”, но узнали и то, что не было и “горячее” (здесь и далее выделено мною – А.М.) их» [Бунин, с. 116].

Это свойство суходольцев важно было обозначить сразу, так как оно является одним из ключевых и определяет дальнейшую судьбу героев. Ответом на вопрос о ссорах как раз служила информация о горячности всех обитателей Суходола:

«– В Суходоле все ссорились?

– Борони Бог! Дня не проходило без войны! *Горячие* все были – чистый *порох*» [Там же, с. 116].

Снова мы видим упоминание горячности суходольцев. И снова, как и при первом упоминании, это свойство характеризует их не с положительной стороны. Ссора – причина, по которой повествователь и другие члены семьи в шестом поколении не видели толком Суходол. То есть присущая всем членам семьи горячность несет в себе разрушительный, разобщающий элемент. Тут же появляется иной образ со свойством горячего (если точнее, когда-то бывшего горячим) – *порох*.

В другом обсуждении уклада жизни суходольцев Наталья в очередной раз дает такую характеристику господам:

«– Не дружно, значит, жили?

– Куда как дружно! А уж особенно после того, как заболели-то оне, как дедушка померли, как вошли в силу молодые господа и женился покойник Петр Петрович. *Горячие* все были – чистый *порох*!» [Там же, с. 124–125].

В желании постоянно вернуться в Суходол мы так же видим эту иступленность, страстность – *горячность*: «И не одна она страдала привязанно-

стью к Суходолу. Боже, какими страстными любителями.. какими *горячими* приверженцами Суходола были и все прочие суходольцы!» [Там же, с. 117].

Далее «горячностью» наделяются не только приверженцы и жители Суходола, но и сама суходольская усадьба, сильно пострадавшая от постоянного горения: «...именно здесь, где от дедовского дубового дома, много раз *горевшего* остался этот невзрачный...» [Там же, 120].

По мере развития сюжета появляются другие «горячие» образы, которые обнаруживают ярко выраженную феноменологическую природу. С одной стороны, пожары несут суходольцам бедствия и разорение их дому. А с другой – огонь как нельзя лучше символизирует состояние души героев, их характер и поведение – стихийность чувств, импульсивность, «сосредоточенность на одном», безумие переживаемых ими страстей, в том числе «огненную», испепеляющую их привязанность к родной усадьбе [Пращерук 2015, С. 73].

Мы привели примеры, когда горячность, пылкость суходольцев проявлялась при описании их характеров. Но также постоянно указывается на богатый опыт предка в столкновении с реальными пожарами: «...заветный образ дедушки, переживший несколько страшных *пожаров*, расколовшийся в *огне*» [Бунин, с. 121]. Поломка иконы именно в *огне* – сильный и симптоматичный знак.

Нужно заметить, что не только Наталья, но и другие герои, а также повествователь отмечают свойственную суходольцам горячность: «Петр Петрович, после неожиданно-дерзкого ответа ...даже устыдился своей *горячности* – и, торопливо извинился перед Войткевичем...» [Там же, с. 132].

Или в другом эпизоде, когда к Петру Петровичу приходит Герваська:

«– Очень я грубиян и *горячий*, сударь, – сказал он безразлично, играя черными глазищами.

И Петр Петрович, почувствовав в слове «*горячий*» намек, струсил.

– Успеется еще, голубчик! Успеется! – притворно-строго крикнул он. – Выйди вон! Я тебя, дерзкого, видеть не могу» [Там же, с. 139].

Они замечают за собой это качество, понимают чрезмерность его проявления в каких-то ситуациях и даже стыдятся. Неспособность совладать со своей горячностью при осознании пагубности этой черты подтверждает, с одной стороны, ее роковой, фатальный характер, а с другой – показывает органичность натуры суходольцев.

Горячее постоянно встречается и в, казалось бы, незначительных портретных характеристиках героев: «Евсей отпряг и поставил лошадь к телеге, к корму; сдвинул на затылок *горячую* шапку, вытер рукавом пот и, весь черный от зноя, ушел в харчевню» [Там же, с. 134]; также, при характеристике их действий: «...барышня-то и вспомнила о ней – все глаза проглядела, не едут ли из Сошек, *горячо* уверяла всех, что будет совсем здорова, как только вернется Наташка. И потом: Наташка... подойдя, *горячо* поцеловала руку барышни» [Там же, с. 145].

Горячее, возбужденное состояние естественно для обитателей усадьбы, оно не нарушает цельность их характеров, а, наоборот, свидетельствует о ней. Юрий Мальцев говорит, что бунинские излюбленные персонажи – это люди инстинкта, не головные и не рефлексирющие, а цельные и пластичные, как животные и дикари [Мальцев, с. 41]. Действительно, горячность действий суходольцев дикая, необузданная и животная.

Очевидно, как обогащается символический объем *горячности* в описании Герваськи: с тонкими *пепельно-синими* губами [Бунин, с. 139]. Пепел – пылевидная серая масса, остающаяся от чего-нибудь сгоревшего [Ожегов, Шведова, с. 498]. Здесь пепел на губах Герваськи появляется как предвестник скорой смерти Петра Петровича, к которому он обращается, а также напрямую связан с предельностью его характера, крайностями его поведения, повлекшим за собой «выгорание» его личности (по сюжету Герваська убивает дедушку и исчезает). Перегоревшее здесь синонимично смертельному. Следовательно, символика «горячего» обогащается.

Задействован мотив горячего и при описании окружающего суходольцев мира, в пейзаже: «Возле леса, над равнинами овсов, на прогалине неба среди туч, *горел* серебряным треугольником, могильным голубцом Скорпион...» [Там же, с. 124]; «Липовый цвет сох и благоухал на *горячих*, ярких подоконниках...» [Там же, с. 150].

Пронаблюдаем наличие «горячей» характеристики в начале второй главы, когда повествователь впервые приезжает в Суходол: «Разразился ливень с оглушительными громовыми ударами и ослепительно-быстрыми, *огненными* змеями молний, когда мы под вечер подъезжали к Суходолу...» [Там же, с. 119]; «Низко, с тихой улыбкой поклонилась на правом крыльце Наталья – дробненькая, *загорелая*...»; «И, пока *разгорался* разговор,

усиленно дружелюбный после долгой ссоры, пошли мы бродить...» [Там же, с. 120].

В Суходоле внезапно – подобно природным стихиям – постоянно загорается и взрывается от «огненных страстей» хрупкий мир человеческих отношений [Пращерук, с. 72]. Уже рядом с Суходолом появляется огненность в окружающем его мире, внешнем. Затем след чего-то горячего, загар отмечается во внешнем виде главной героини. И позже этим качеством характеризуется уже разговор, действие, происходящее между героями.

В первой главе, есть намек на будущее разрушение усадьбы от огня: «Но жилища их недолговечны: при малейшей *искре сгорают* они...» [Там же, с. 119].

В седьмой главе героиня видит вещий сон, которому суждено сбыться. Если до этого *горячее* появлялось в характеристике персонажей, их действиях и портретах, то в дальнейших главах *горячее* стихийно проникает в мир внешний, сбывается в реальности то, что ранее лишь снилось героям или просто потенциально загоралось внутри них.

Мотив огня тесно связан с ощущением фатального в повести. Вещие сны Натальи наполнены символикой и образами *горячего*:

«... и вдруг видит на глинисто-сухом косогоре безобразного, головастого мужика-карлика в разбитых сапогах, без шапки, со включенными ветром *рыжими* кудлами, в распоясанной, развевающейся *огненно-красной* рубаше. “Дедушка! – крикнула она в тревоге и ужасе. – Ай *пожар?*” – “До шпенту все слетит сейчас! – тоже криком, заглушаемым *горячим* ветром, отозвался карлик. – Туча идет несказанная! И думать не могли замуж собираться!” – А другой сон был и того страшнее: стояла она будто бы в полдень в жаркой пустой избе, припертая кем-то снаружи, замирала, ждала чего-то – и вот выпрыгнул из-за *печки* громадный серый козел, вскинулся на дыбы – и прямо к ней, непристойно возбужденный, с *горящими, как уголья*, радостно-бешеными и молящими глазами. “Я твой жених!” – крикнул он человеческим голосом, быстро и неловко подбегая, мелко топоча маленькими задними копытцами – и с размаху упал ей на грудь передними...» [Там же, с. 148].

Ощущение скорой беды неразрывно связывается со страхом огня: «Не страшила даже смерть; но в трепет приводили сны, ночная темнота, буря, гром и – *огонь*» [Там же, с. 151]; «Каждый день приходили отовсюду вести

о бедах – о грозах и *пожарах*. И все возрастал в Суходоле древний страх *огня*» [Там же, с. 154].

С приходом Юшки в усадьбу предсказание Натальи начинает сбываться. И здесь мы видим мотивы горячего: «Она уже твердо знала, что будет... Юшка уже отрубил ей: “Приду. Хоть зарежь, приду. А закричишь – *дотла вас сожгу*”. Но что пуще всего лишало ее сил, так это сознание, что совершается нечто неминуемое» [Там же, с. 156].

В итоге, неизбежное случается – огонь, пожар стал причиной гибели: «А в сентябре, на другой день по возвращении молодых господ с войны, *загорелся* и долго, страшно пылал суходольский дом: исполнилось и второе ее сновидение» [Там же, с. 158].

Завершается повествование следующими словами: «А что и было, погибло в *огне*» [Там же, с. 160].

В постоянном появлении мотива горячности и в характере этого появления сказывается феноменологический принцип, на котором построено все повествование вообще [Мальцев, с. 193; Прашерук 1999, с. 6-26; 66-83]. Если в первой части произведения *горячность* в основном относится именно к внутренней характеристике персонажей (субъективное), то во второй – к внешнему описанию, пейзажу, физическому воплощению *горячего* (объективное). На протяжении всей повести горячность характеризует весь суходольский мир, пронизывает все в жизни Суходола: от описания природы и действий человека до самой смерти. Горячность сопряжена как с жизнью, так и со смертью. То есть горячность – знак полноты и подлинности жизни во всех ее проявлениях. Горячность не искореняется временем, а органично присутствует в природе героев, в их характере.

Проявляющаяся во всех поколениях суходольцев горячность в каком-то смысле говорит о ее особой значимости. Для Бунина принадлежность к роду имела большой вес. Своей родовитостью он очень гордился, но указывал и на аномалии, присущие его предкам, на их ненормальность, как и на свою собственную. Так, Ю. Мальцев отмечает, что в дневниках писателя «Устами Буниных» названы некоторые ненормальные предки Бунина, не раз фигурирующие в его творчестве. Перечисляются как раз предки, ставшие прототипами персонажей «Суходола»: дед Николай Дмитриевич Бунин (Петр Кириллыч), тетя Варвара Николаевна (тетя Тоня) [«Устами Буниных», с. 130]. Эту

ненормальность Бунин сам именует иногда «вырождением». Это понятие, очень важное в мирозерцании Бунина, многозначно и содержит в себе как положительную, так и отрицательные стороны. Им обозначается преизбыток неких качеств, накопленных в длинном ряду существований, и именно в силу большой аккумуляции обретающих новый более совершенный и утонченный характер [Мальцев, с. 20]. Суходольская горячность, которая также имеет свои положительные и отрицательные стороны, пронизывает уклад жизни всех суходольцев, объясняет их органическое, нерациональное стремление к самоуничтожению и, в конечном счете, ведет к этому вырождению.

Таким образом, мы действительно можем говорить о воссоздании Буниним всего национального образа мира и о ключевой роли мотива горячности в его выстраивании. Бунин не понаслышке был знаком с ненормальной, безумной горячностью русского человека. Но русское дворянство, пораженное все той же болезнью (русская тоска, неспособность к нормальной будничной жизни, нелепость иррациональных поступков и т. д.) и не могло стать подлинным вожаком нации, не смогло создать крепких устоев жизни [Там же, с. 191–192]. Бунин освещает заложенное и характерное, фатальное и неизменное, что может нам демонстрировать его философию вообще. Горячность русского человека, которая может привести даже к вымиранию гнезда, не осуждается. Ведь он с чувством трепетной и горькой любви рисует суходольцев, которые сами от себя погибают (от ненависти, любви – как к людям родным, так и к месту, с которым они связаны всей своей сущностью).

Список литературы

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. – Франкфур-на-Майне: Посев, 1977. – Т. 1. – 367 с.

Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. К. Бабореко – М.: Худож. лит., 1987. – Т. 3: Произведения 1907–1914 гг. – 671 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. – 2-е изд. – М.; СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – Ч. 1. – 723 с.

Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. – 601 с.

Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870 – 1953. М.: Посев, 1994. – 432 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

Пращерук Н. В. Образы огня в прозе Ивана Бунина (1910–1920-е гг.) // Quaestio Rossica. – 2015. – № 2. – С. 71–84.

Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен: учеб.-метод. пособие / науч. ред. О. В. Зырянов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 232 с.

Пращерук Н. В. Художественный мир прозы И. А. Бунина: язык пространства. – Екатеринбург: МУМЦ «Развивающее обучение», 1999. – 254 с.